

Кофе с молоком

Нина Кислицына

Кофе с молоком

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Кофе с молоком / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Кира готовилась к свадьбе и была счастлива. Ровно до того дня, когда приехала домой на три часа раньше и увидела в своей постели своего жениха и свою лучшую подругу. Теперь у неё две недели отпуска, ведро мороженого, сломанная жизнь и сорок восемь пригласительных с тиснением, которые никуда не денешь. А ещё — мокрый сентябрьский тротуар, разорвавшийся пакет и мужчина, который поймал её под локоть и заклеил ладонь пластырем. Зовут его Максим, он хозяин ночного клуба, он живёт по ночам, никогда ничего не просит и не умеет говорить о главном. Она умеет писать только про то, что есть, и врать — не умеет. Он умеет любить молча. Романтическая комедия о том, что настоящая любовь начинается не с признания, а с пиццы в одиннадцать вечера.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Кофе с молоком

Глава 1

Планёрка закончилась в четверть двенадцатого, и это была лучшая новость за день.

Регина Марковна закрыла номер и распустила редакцию до понедельника. Ошибки в макете остались, но ушли вместе с файлом в типографию, и разгребать их теперь было некому. Кира просидела ещё полчаса над семнадцатой полосой: под фотографией с «Осенних чтений» висела линейка, которую видела одна она. Потом закрыла ноутбук, сняла с вешалки плащ и никому не сказала «до свидания» — в коридоре уже никого не было.

До свадьбы оставалось двенадцать дней.

В ежедневнике на четверг стояло: «ателье, 15:00». Кира позвонила туда прямо из такси, и платье ей вынесли в чехле, плотном и длинном, как конверт для документов. Портниха с булавками в рукаве поджала губы — в боках пришлось ушить. Кира за последний месяц потеряла три килограмма и не заметила, как именно: то один ужин пропустит, то другой. Она расплатилась, поблагодарила и потащила чехол к машине, придерживая его обеими руками.

Идея пришла в дороге. Она вынула телефон и написала: «Я освободилась. Буду дома через час. Закажем что-нибудь?» Ответа ждать не стала — Сергей на совещаниях всегда ставил телефон на беззвучный, а потом извинялся и показывал четыре пропущенных.

Дождь шёл мелкий, сентябрьский, и дворники с ним не справлялись: размазывали по стеклу, оставляли полосы. Таксист молчал, на перекрёстке у рынка заиграло радио — что-то старое, летнее. Кира смотрела в окно и прикидывала: если заказать пиццу к половине шестого, они успеют поужинать и она успеет рассказать про свободные выходные. У неё было два дня впереди, два целых дня без макета, и она собиралась потратить их с толком — на примерку, на приглашения, на Сергея.

Лифт в их доме был медленный, с зеркалом в половину стены. В зеркале Кира посмотрела на себя и решила, что для человека, которому до свадьбы двенадцать дней, выглядит она нормально.

Замок провернулся на два оборота.

В прихожей пахло чужими духами. Кира узнала их раньше, чем поняла, чему удивляется: «Прованс», Алла покупала его в дьюти-фри три года подряд, каждый раз один и тот же флакон. Она стянула плащ, повесила его на крюк и прислушалась. Голоса из комнаты. Ну и хорошо, значит, Алла зашла — у них с четверга висел недоговорённый разговор про девичник, про список гостей и про то, кого из двоюродных вообще нельзя сажать за один стол.

Чехол с платьем Кира поставила к стене в прихожей, прислонила аккуратно, чтобы не помялось, — и пошла в комнату.

Туфли на каблучке стояли в коридоре, одна на боку. Рядом — Сергеева кроссовка. Дальше, у самой двери в спальню, вторая кроссовка и Аллина сумка, брошенная на пол, из неё выехал на паркет телефон и лежал экраном вверх.

За дверью кто-то засмеялся. Коротко, горлом, как смеются, когда не хватает воздуха.

Кира узнала этот смех. Она слышала его тысячу раз: на кухне, в кино, в машине, когда Алла рассказывала, как неудачно сходила на свидание. Только сейчас он шёл из её собственной спальни, а с ним — ещё один голос, низкий и совсем без смеха.

Секунду Кира стояла и думала, что надо бы постучать. Что так делают. Что вообще-то они с Сергеем договорились: если кто-то приходит, а дверь закрыта, — постучать.

Она толкнула дверь.

Ночник на комодe горел, хотя за окном был день. Хватало его, впрочем, немного: свет лежал на потолке косым жёлтым пятном, а на кровати были её простыни, те самые, с широкой

синей полосой, которые она постирала в воскресенье и выгладила, потому что Сергей не любил, когда они мятые. На простынях лежала Алла — на животе, подперев голову локтем, в одной футболке, которая, если присмотреться, была футболкой Кир. Рядом, лицом к ней и спиной к двери, лежал Сергей.

Он обернулся первым. — Кира. — Сергей приподнялся на локте. — Ты рано. — Да. На три часа. Голос вышел ровный и вежливый, как на планёрке, когда автор в десятый раз приносит один и тот же текст. Кира сама его не узнала. Алла села и подтянула простыню к подбородку. Простыня пошла волной, соскользнула с Сергея, и он поспешно поймал угол. — Кир, — сказала Алла, — только не делай выводов. — Я и не делаю. — Это не то, что ты думаешь? — Сергей произнёс это как вопрос, будто сам не был уверен.

— А что я думаю?

Он поискал глазами по комнате. Объяснение, судя по всему, могло лежать где-то на комодке — между двумя бокалами, в которых ещё оставалось вино, или под вазочкой с хризантемами, которые он принёс в понедельник, без всякого повода. — Мы обсуждали подарок, — сказал он наконец. — Тебе. На свадьбу.

— Сюрприз, — с готовностью подхватила Алла. — Мы не хотели, чтобы ты знала. — Сюрприз, — повторила Кира. — Ну конечно. Ты в моей футболке. Футболка была старая, серая, с нарисованным котом и надписью «Не буди». Кира купила её в переходе три года назад и с тех пор надевала только на дачу. — Кир, я всё объясню, — начал Сергей. — Не надо. Она обошла комнату, не глядя на кровать. Кажется, за всю дорогу от двери до стула не глянула ни разу. Подняла с пола Аллины джинсы и кофту, сложила пополам, положила на сиденье. Рядом — сумку, которую принесла из коридора. Телефон вложила Алле в руку.

— Одевайтесь, — сказала она. — У вас минута.

Вышла на кухню, налила воды из фильтра. Стакан дрожал в руке, поэтому она поставила его на стол, подождала, пока дрожь пройдёт, и выпила залпом. За стеной зашуршало, заскрипело, кто-то задел стул, кто-то выругался шёпотом. Обрати Кира вернулась через минуту — ровно через минуту — и стояла в дверях, пока они одевались. Алла натянула джинсы, не вставая с кровати: так, во-первых, быстрее, а во-вторых, нечего на неё смотреть.

— Кир, — сказала она уже у двери. — Мы с тобой двадцать лет.

— Двадцать один.

— Двадцать один, — согласилась Алла. — Я не могу вот так всё...

— Туфли в коридоре. Одна под тумбой.

В лифте они ехали втроём, потому что Кира пошла их проводить. Ей почему-то важно было увидеть, как за ними закроется дверь подъезда. Сергей всю дорогу держал пиджак на весу, сложенный вдвое, и выглядело это так, будто он идёт в химчистку. На втором этаже лифт остановился, двери разъехались, и в кабину заглянула соседка с мопсом на руках.

— Ой, — сказала она. — Здравствуйте.

— Здравствуйте, Никитична. Мы не вниз.

Двери закрылись.

В подъезде Сергей обернулся:

— Кира, я позвоню вечером.

— Не звони.

— Я всё равно позвоню.

Она поднялась к себе и закрыла дверь на оба оборота и на щеколду, хотя жила на девятом и переживать, кроме неё, было не о чем.

В прихожей стоял чехол с платьем. Кира смотрела на него довольно долго, потом отнесла в спальню, открыла шкаф, сдвинула Сергеев костюм к самой стенке и повесила платье рядом. Плечики стукнули о штангу, дверца закрылась с мягким щелчком.

Она села на пол у шкафа и посидела так минут десять. Может, двадцать. Телефон в кармане дважды зажужжал — Кира не достала его. За окном моросило, и в комнате постепенно темнело, хотя в сентябре вечера ещё длинные: просто день выдался из тех, что кончаются сразу после обеда.

Потом она всё-таки вынула телефон.

«Сергей — 4 сообщения». «Алла — 2». Она открыла второе, прочитала, ничего не ответила и поставила оба чата на беззвучный. На холодильнике магнитом был приколот список гостей — её рукой, в две колонки, «его» и «её», сорок восемь человек, из них двенадцать помечены галочкой «поздравление с подарком». Кира сняла листок, сложила вчетверо и убрала в ящик со счетами.

А потом позвонила в пиццерию и заказала большую «Пепперони» с двойным сыром. Одну.

— Приборы на сколько? — спросила девушка.

— На одного.

Из морозилки Кира достала ведро мороженого. Ванильное, самое простое, оно лежало там с июля — она покупала его на случай, если на девичник нагрянут человек шесть, а нагрянули тогда трое, и мороженое осталось почти целым. Кира села на пол, привалилась спиной к холодильнику, подцепила мороженое столовой ложкой и включила телевизор. На экране шёл выпуск новостей, потом реклама стирального порошка, потом сериал про врачей.

Пиццу привезли через сорок минут. Она расплатилась, взяла коробку и вернулась на своё место на полу.

Две недели в её жизни уложились в три вещи: диван, телевизор и мороженое.

Кира спала на диване, потому что в спальню не заходила. Спальню она закрыла в первый же вечер и с тех пор только раз открыла шкаф — за подушкой. Ела она тоже на диване, из ведра, большими ложками, и поначалу ведро уходило за день, потом стало уходить за два. Сериал про врачей она досмотрела до конца, потом посмотрела его сначала, потом нашла другой — про пожарных, — и пожарные ей понравились меньше.

Телефон она всё-таки сдалась и один раз прочитала целиком.

У Сергея было тридцать одно сообщение. Первые он писал связно: «Кира, открой», «нам нужно поговорить», «я тебя люблю, это ничего не значит». С двенадцатого начались длинные письма в четыре экрана, где он объяснял, как всё вышло случайно и что виноват он один, а потом, в конце, приписывал, что вообще-то Алла тоже взрослый человек. Двадцать восьмое было: «я у мамы». Тридцать первое — «позвони, я не могу так».

У Аллы было восемь. Первые два — «прости», потом «я всё объясню», потом длинное голосовое, которое Кира не стала слушать. Последнее она получила в воскресенье вечером, когда уже лежала, укрывшись пледом до подбородка: «Кир, ты же знаешь, ты мне как сестра».

Кира поставила оба чата на беззвучный и убрала телефон под диванную подушку.

Мороженое кончилось на девятый день. Пришлось заказать ещё два ведра и заодно пиццу, и курьер — мальчик с длинными волосами, в куртке с эмблемой — теперь здоровался с ней как со старой знакомой и один раз сказал: «Что-то вы бледная». Кира поблагодарила и закрыла дверь.

Работала она из дома над тем, чтобы не работать: ноутбук стоял закрытый на столе, в редакцию она не написала ни строчки. На седьмой день пришло письмо от Регины Марковны, на десятый она перестала открывать почту.

Дни выходили одинаковые, и Кира знала их на ощупь по запаху: если в подъезде пахло жареным луком, значит, вторник и соседи сверху опять готовят борщ.

В среду, к вечеру, в дверь позвонили.

Она решила, что это курьер: в среду она снова заказала мороженое. Накинула халат, отперла щеколду и открыла.

На площадке стояли Сергей и Алла.

Сергей держал букет — белые хризантемы, дорогие, в плёнке с логотипом. Алла держала коробку с тортом, ленту на которой привязали к банту, как на подарок. Вид у обоих был такой, каким бывает у людей, которые репетируют по дороге: когда стоишь перед дверью и не знаешь, говорить ли первое слово сразу или дать собеседнику опомниться.

— Кира, — начал Сергей.

— Нет, — сказала Кира и начала закрывать дверь.

— Подожди! — Алла подсунула в щель коробку с тортом. — Мы не за этим. Мы пришли попросить прощения.

Кира посмотрела на торт. Обычный «Птичье молоко» из кондитерской за углом, на восемь кусков. Такой же они брали, когда Алла разводилась и Кира две недели жила у неё с этим тортом и с вином.

— Просите, — сказала она и осталась стоять в дверях. Впускать их она не собиралась.

На площадке повисла пауза.

— Можно я по порядку? — Алла полезла в карман за телефоном. — Я записала.

— Прямо здесь?

— Чтобы не сбиться.

Она нашла в телефоне записку, откашлялась и начала:

— Кира, мы пришли сказать тебе, что мы оба были неправы и что мы оба тебя любим. Ты — мой самый близкий человек на земле, у меня, кроме тебя, никого нет, и я не могу без тебя жить. Я не прошу меня простить сразу. Я прошу только, чтобы ты дала мне шанс...

— Дальше там про меня, — сказал Сергей.

— Не перебивай.

— Я по существу. Кира, — он переложил хризантемы в другую руку, — всё, что произошло, — это была ошибка. Одна ошибка, которая ничего не значит. Я тебя люблю. Я тебя выбираю. Все эти три недели я не спал, я...

— Две.

— Что?

— Две недели, — сказала Кира. — Сегодня ровно две.

— Две, — согласился он. — Тем более.

Алла откашлялась и заглянула в телефон.

— Ещё там, дальше, у меня написано про неё, — сказала она, не поднимая глаз. — Что я её ненавижу. Себя. Я себя ненавижу.

Кира молчала. Внизу хлопнула дверь подъезда, по лестнице кто-то поднимался, тяжело, по-хозяйски. Никитична.

— Как давно? — спросила Кира.

— Как давно? — спросила Кира.

На площадке стало тихо. Внизу Никитична дошла до своего этажа, звякнула ключами и не ушла — замерла, как ей и полагалось.

— Это было один раз, — сказал Сергей.

— Два, — поправила Алла, не подумав.

— Алла!

— А что я такого сказала? Ты же сам говоришь — один раз.

— Один, — повторил он.

— Ну, если считать тот раз в машине...

Кира смотрела на них и думала, что за двадцать лет ни разу не видела Аллу такой. Она всегда знала, что делать с руками: то за спину уберёт, то поправит волосы, то поднимет сумку с пола и поставит обратно. Сейчас руки у Аллы просто висели.

— С марта, — сказала Кира.

Оба замолчали.

— В марте вы ездили в Суздаль, — сказала она. — Я не поехала, у меня был номер. Ты сказал, что едешь с ребятами с работы. Ты привёз мне оттуда ту дурацкую медовуху в бутылке с сургучом. — Она помолчала. — А в мае у нас в ванной появилась вторая зубная щётка. Я подумала, что сама купила и забыла.

Сергей смотрел на хризантемы.

— Это была ваша поездка, — сказала Кира уже не ему. — Ты потом три дня мне рассказывала, как вы там сидели в номере и как тебе было плохо с Серёжей из-за меня.

Алла открыла рот и закрыла.

Из-за угла, со своего этажа, выплыла Никитична. В руках у неё была сумка с продуктами, и она остановилась, ни капли не смутившись, будто ей и в самом деле нужно было именно здесь постоять.

— Здравствуй, Аллочка, — сказала она. — А ты чего с ним пришла?

— Здравствуйте, — сказала Алла в коробку с тортом.

— Никитична, — сказала Кира. — У нас тут разговор.

— Я вижу. Хризантемы-то ему не нравятся, они вянут быстро. — Никитична перехватила сумку поудобнее и пошла выше, к себе на одиннадцатый.

Кира подождала, пока её шаги смолкнут.

— Я вас прощаю, — сказала она.

Оба подняли головы разом.

— Кир... — Алла шагнула вперёд.

— Стой где стоишь. — Кира придержала дверь. — Я вас прощаю, потому что зла не держу, таскать это в себе я не хочу. Но этого мало. Я вас прощаю и больше никогда в жизни не хочу видеть. Обоих.

— Кира, — сказал Сергей тихо, — ты сейчас пожалеешь. Ты подожди, ты успокойся...

— Я две недели успокаивалась. — Она обернулась к Алле. — Ключи отдай.

Глава 2

Алла полезла в карман за связкой. Долго ковырялась в ней — ключей было штук двадцать, — нашла один, маленький, с синей пластмассовой рыбкой, и отстегнула от кольца. Кира взяла его двумя пальцами.

— Футболку вернёшь.

— Я её постираю.

— Нет, — сказала Кира. — Не надо её стирать. Просто вернёшь мне футболку, в пакете, и всё. — Она помолчала. — Сергей, ресторан был на две с половиной. Ты внесёшь свою половину в течение недели, я закрываю счёт. Заявление из ЗАГСа заберёшь сам, у них там запись на четверг. И платье моё тебе ни к чему.

— А если?.. — Он не договорил.

— А если — это не ко мне.

Он открыл рот, чтобы сказать ещё что-то умное, но Алла потянула его за рукав, и они пошли к лифту. Дверь, когда закрывалась, показала Кире ещё раз: хризантемы, торт с лентой и два человека, которые так и не придумали, кто из них виноватее.

Кира задвинула щеколду, а потом пошла в спальню.

Простыни она содрала прямо с матраса, все четыре. Комком запихала их в стиральную машину, налила порошок в отсек, поставила на девяносто и включила. Барабан взялся крутиться, шумно, с толчками, и в кухне стало спокойнее. Наволочки она сняла последними, а подушку отнесла обратно на диван.

Телефон звонил на столе. На экране стояло: «Регина Марковна, редакция».

Кира смотрела на него секунд пять, потом взяла.

— Кира? — сказала Регина Марковна. — Наконец-то. Я не спрашиваю, что у вас там происходит, я вообще человек деликатный, но Катя не сдала номер. Не сдала, и не сдаст, она мне на прошлой неделе расплакалась над полосой. Кира, вы мне нужны в понедельник.

— К девяти?

— К девяти.

— Хорошо.

Она нажала отбой и постояла с телефоном в руке. В коридоре ещё висел запах хризантем — или это машина набирала воду, и пахло из подъезда. Кира сняла телефон с беззвучного, положила его на стол экраном вверх и пошла на кухню. На плите стоял чайник, в холодильнике лежало второе ведро мороженого, нетронутое.

До понедельника оставалось четыре дня.

В понедельник она пришла к девяти без пяти, и редакция сделала с ней то, что делает редакция.

Регина Марковна встретила её в коридоре, посмотрела поверх очков и сказала только: «Макет у вас на столе, Катя там наставила восклицательных», — и ушла к себе, чем заслужила больше благодарности, чем все остальные вместе.

Остальные разбирались дольше. Зоя из отдела вёрстки принесла к кофеварке печенье и села рядом, будто случайно: сначала про полосу, потом про Катю, потом вдруг — «а вы, вообще, как?» Марина из писем обняла её в коридоре, крепко, надолго и молча, и от этого было хуже всего. Артём, фотограф, весь день делал вид, что ничего не знает, и к вечеру всё-таки не выдержал, зашёл в кабинет и спросил, правда ли, что Сергей работает в «Мост-банке»; Кира сказала, что правда, и он ушёл, ничего не добавив.

Катя сидела в углу, над корректурой, с глазами как у человека, который третью ночь не спит. К вечеру она не выдержала и расплакалась, и Кира полчаса правила за ней полосу, на которой действительно было девятнадцать восклицательных знаков.

В шесть она выключила компьютер и не поехала на метро. Вечер выдался сухой, первый за две недели, асфальт подсыхал, и от него шёл тот особый сентябрьский запах — мокрого камня и листвы.

По дороге Кира сделала одну остановку.

В типографии на Садовой её ждали четыре дня. Заказ лежал в жёлтом бумажном пакете — сорок восемь пригласительных, плотный картон, тиснение, «Кира и Сергей приглашают вас разделить с ними...». Отказаться она не могла: счёт был оплачен ещё в августе, а типография тут была ни при чём. Кира расписалась в накладной, взяла пакет под руку и вышла. Урны по дороге ей не попадалось, а бросать сорок восемь открыток в первый же попавшийся контейнер у чужого подъезда она не стала.

Пакет был тяжёлый и неудобный. Кира несла его на сгибе локтя и постепенно злилась.

Клуб начинался сразу за переулком: три ступеньки вниз, два фонаря на кронштейнах и вывеска, где название было набрано так, что читалось без буквы. У входа на тротуаре стояла деревянная стойка с афишей — афиша с вечера намокла и пошла пузырями.

Кира её не заметила. Она смотрела на телефон, на котором разворачивалось сообщение от Сергея — «Кира, я перевёл половину, проверь» — и этого хватило, чтобы носок туфли упёрся в чугунную ногу стойки.

Дальше всё вышло очень быстро. Стойка качнулась, афиша хлопнула, пакет выскользнул из-под локтя, Кира завалилась вперёд, выставила руку, и рука не поймала ничего, потому что тротуар был занят чьими-то ногами.

Ноги оказались при ней. Кто-то поймал её за плечо, за локоть, качнулся назад, чтобы удержать, и удержал.

— Осторожно, — сказал он. — У нас тут ступеньки.

Кира стояла очень близко к чужому пиджаку. Пахло от пиджака табаком, кожей и чем-то ещё, свежим, вроде мяты. Она подняла голову: мужчина, темноволосый, чуть выше её, лет сорока или чуть меньше, с маленьким белым шрамом в углу брови. Серые глаза смотрели на неё совершенно спокойно, будто ловить падающих женщин ему случалось раза три в неделю.

— Спасибо, — сказала Кира. — Я...

Договорить она не успела: пакет лопнул по всей длине, и сорок восемь пригласительных посыпались на тротуар.

Ветер подхватил их и погнал. Часть легла на асфальт разноцветной чешуёй, часть поехала под колёса, три штуки забились под стойку с афишей, одна — в узкую щель у подвального окошка клуба.

Кира села на корточки и начала их собирать.

— Давайте вместе, — сказал мужчина и тоже присел.

— Не надо, я сама. Это мусор.

— Плотная бумага, тиснение, — сказал он, переворачивая карточку. — За такой мусор берут рублей по сто за штуку.

Он подал ей пачку, которую успел собрать. Кира взяла и сунула их в остатки пакета, не глядя. Он вытащил из-под стойки ещё три и поднимался, отряхивая колени.

— Максим, — сказал он. — Можно Макс.

— Кира.

— Кира, — повторил он. — У вас тут написано.

Он держал в пальцах одну пригласительную. Тиснение, тонкая рамка, дата — четвёртое октября, — и две фамилии в самом низу, которые Кира месяц назад проверяла у неё же на кухне по три раза.

Он прочитал. Потом посмотрел на неё.

— Нет, — сказала Кира. — Это не то, что вы подумали.

— Я ничего не подумал. — Макс вернул ей открытку. — У меня в прошлом году сорок человек снимали банкетный зал, а женился в итоге один. С гостями, вообще, всякое бывает.

Кира посмотрела на карточку в его руке, потом на остальные, торчащие из разорванного пакета. Одна открытка плавала в луже у подвального окошка, и поднимать её она не собиралась.

— Это ваш клуб? — спросила она, чтобы не молчать.

— Мой. Сегодня выходной, я приехал из-за трубы.

Он говорил ровно, без интереса, и смотрел не на неё, а на рассыпанные картонки, и от этого молчать с ним было странно легко.

— Кира. — Он взглянул на её руку. — У вас ладонь.

Она посмотрела вниз. На левой ладони, у основания большого пальца, была содрана кожа и выступила кровь — мелко, но обильно, как всегда бывает, когда не заметил и ободрался об асфальт.

— Ерунда.

— Пойдёмте, — сказал Макс. — Нам всё равно идти в одну сторону, у меня там за стойкой аптечка.

Внутри клуб выглядел как зал, из которого вынесли всё веселье: стулья стояли на столах ножками вверх, свет горел полный и от этого был жёлтым и скучным, у колонки возилась уборщица с ведром. За баром парень протирал бокалы и складывал их башней.

— Женя, — сказал Макс, — дай аптечку.

Женя поставил бокал и полез под стойку. Макс пододвинул Кире высокий табурет, сел рядом на второй, вскрыл коробку, достал пластырь и ватку, налил на ватку перекись.

— Можно, — сказала Кира.

Он взял её руку за пальцы и перевернул ладонью вверх. Ладонь у неё была холодная, рука у него — сухая и тёплая, чуть шершавая, с полоской старой мозоли у основания пальцев. Ватка пощипала, Кира дёрнула рукой, он держал.

— Терпите, — сказал он. — Тут редко бывает по-другому: все в клуб приходят, чтобы им было хорошо, а потом кто-то обязательно лезет на колонку.

Он заклеил ссадину пластырем и отпустил её руку.

— Спасибо.

Кира сидела на табурете и не уходила. Уборщица выключила воду, потом включила, парень расставил башню бокалов и ушёл в подсобку. В клубе было тихо так, как бывает только в местах, где всю ночь играет музыка.

— Вы не спросили, — сказала Кира.

— Про свадьбу? Спрошу. Когда у вас?

— Четвёртого октября. — Она подумала и поправилась: — Не у меня. Я туда не еду.

— Значит, — Макс посмотрел на её ладонь, — сорок восемь открыток у вас в пакете, свадьба заказана в ресторане, а вы сидите в закрытом клубе и разрешаете незнакомому мужчине заклеивать вам руку.

— Кто-то же должен.

Он усмехнулся, но коротко, одним углом рта, и не сказал по этому поводу ничего умного — что было необычно: все, кому она попадалась за последние две недели, лезли с умным.

— Вам далеко? — спросил он.

— Три квартала.

— Тогда идёте, я вынесу пакет, он всё равно уже порвался.

Они пошли вместе. На углу стоял контейнер, большой, с колёсами, каких в этом дворе с весны не вывозили. Макс поднял крышку коленом и обернулся:

— Можно?

Кира секунду смотрела на сорок восемь открыток с тиснением, на дату «4 октября» и на две фамилии, набранные хорошим шрифтом, который она полторы недели выбирала по каталогу.

— Можно, — сказала она.

Он высыпал их в контейнер, придержал крышку, чтобы не хлопнула, и отряхнул ладони.

— Трое спешат, — сказал он.

— Что?

— Мы с вами шли пешком, а не бежали. Все, кто мимо нас проходил, шли медленнее. Я на это смотрю вторую работу: если человек в девять вечера куда-то спешит, значит, у него всё нормально.

— Вы работаете вторую работу?

— Я здесь живу. — Он кивнул назад, в сторону клуба. — Один день в неделю по дому, шесть в клубе. Считайте, две.

Они дошли до её поворота. Кира остановилась у булочной.

— Мне сюда.

— Кире. — Он достал из кармана картонный прямоугольник и подал ей: ни логотипа, ни должности, только имя и номер. — Если что-то понадобится. Аптечка у меня хорошая.

— Спасибо. — Она взяла и убрала его в карман куртки, рядом с телефоном.

Он пошёл назад, не оборачиваясь, и через двадцать шагов она уже не различала его в прохожих.

Глава 3

До дома Кира дошла пешком, спокойно, и только у своего подъезда, доставая из карман...

О Сергее она вспомнила у самого подъезда — потому что в кармане снова зажужжал телефон.

Деньги Сергей перевёл в тот же вечер.

Кира стояла у подъезда, смотрела в телефон и ждала, что сообщение будет длинным. Сообщение было коротким: «Отправил половину. Извини». В банковском приложении висела сумма — ровно половина, до рубля, и в комментарии к переводу стояло «ресторан».

Она убрала телефон и поднялась на девятый. Это оказалось проще, чем она думала.

Неделя прошла в макете. Катя к среде перестала пугаться и начала приносить полосы почти вовремя; восклицательные знаки Кира вычищала пачками, как сорняки. К пятнице номер собрался, и Регина Марковна в первый раз за неделю сказала ей «спасибо», что в переводе с её языка означало «я вас, кажется, прощаю за две недели прогула».

В пятницу, перед тем как закрыть дверь, она вызвала Киру к себе.

— Кира, — сказала она, — есть разговор. У нас в ноябре сдвоенный номер, «Ночная жизнь города», надо двенадцать полос. И есть клуб, который в этом номере покупает разворот.

— «Сойка».

— Уже знаете?

— Слышала, — сказала Кира.

— Так вот, — Регина Марковна сняла очки и стала протирать их о кофту. — Текст от клуба нам прислали. Там про «атмосферу свободы» и «пространство для тех, кому за тридцать, но душа молода». Катя прочитала и говорит — надо ехать и смотреть, потому что так не бывает. Я склонна ей верить, но у нас с ними рекламный контракт, сами понимаете. Съездите в субботу. Не как редактор, а так... просто посмотрите. И напишите мне утром, что там у них на самом деле.

— И что мне потом с этим делать?

— Ничего, — сказала Регина Марковна. — Просто я хочу знать, за что мы берём деньги. В субботу Кира открыла шкаф и поняла, что одеваться ей не в чем.

Сергеев костюм висел у самой стенки, платье в чехле — рядом, и его трогать было нельзя по причинам, в которых она не хотела разбираться. Всё остальное делилось на то, что она носит в редакцию, и то, что она надевала на дачу. Кира достала чёрные брюки и блузку, в которой ездила на переговоры, посмотрела на себя в зеркало, подумала, что выглядит как женщина из бухгалтерии, и в этом же виде вышла из дома.

У клуба стояла очередь, каких в этом переулке не бывает по будням. Два охранника в куртках проверяли сумки, над дверью горели фонари, афиша на стойке была свежая и не пузырилась.

— Вы к кому? — спросил охранник.

— Я по делу. К Максиму.

Она сама не ожидала, что скажет это так.

Охранник посмотрел на её блузку, потом на список в планшете, потом всё-таки отступил в сторону.

Внутри было темно и громко. Кира остановилась в двух шагах от входа, привыкая: зал оказался вдвое больше, чем в понедельник, потому что теперь его никто не измерил стульями. Свет шёл откуда-то сверху, узкими полосами, и в этих полосах шевелилась плотная, как вода, толпа. Кто-то в баре смеялся, кто-то на сцене проверял микрофон — три глухих удара, — и от каждого удара у Киры отзывалось в груди.

Гардеробщице она отдала куртку и получила номерок на резинке.

— Кира!

Женя, бармен, махал ей из-за стойки. Сегодня он был в рубашке с подтяжками и держался так, будто всю жизнь стоял на этом месте.

— Вы Кира, да? Макс говорил.

— И что он говорил?

— Что вы придёте и спросите не то, что надо. — Женя поставил перед ней стакан с чем-то оранжевым. — Это не спиртное, это апельсин с тоником. У нас не курят и не хамят, если вы об этом.

Кира взяла стакан.

— А Максим где?

Женя кивнул в сторону лестницы, на второй ярус. Там, у перил, спиной к залу, стоял Макс — в тёмной рубашке, без пиджака, и разговаривал с каким-то мужчиной так, как разговаривают люди, у которых за спиной восемьдесят человек и ещё двести в очереди. Мужчина махнул рукой и пошёл вниз, а Макс остался у перил, обвёл взглядом зал и остановился на ней.

Она думала, что он удивится. Он не удивился.

Он спустился не сразу: сначала посмотрел на неё с высоты, потом сказал что-то человеку рядом, потом пошёл вниз, и перила он не держал, шагая через две ступени.

— Вы всё-таки надели это, — сказал он.

— Что?

— Ей-богу, в первый раз вижу, чтобы человек пришёл в клуб в блузке от переговоров. — Макс взял у Жени её стакан, понюхал и вернул на стойку. — Идёмте, здесь не поговорить.

Он повёл её через зал, и зал расходился сам, как вода перед лодкой. Кто-то хлопнул его по плечу, он кивнул, не оборачиваясь; девушка в блестящем платье крикнула ему через две головы что-то про бронь на четверг, и он поднял ладонь — потом, потом.

На лестнице они поднялись на второй ярус и прошли в самый конец, к двери без таблички. За дверью оказалась комната с одним окном во двор, письменным столом, парой стульев и кожаным диваном, на котором лежала гитара — без чехла, с оборванной первой струной.

Макс закрыл дверь, и стало тихо так, что заложило уши.

— У меня тут переговорная, — сказал он. — В девяносто девятом году здесь была бухгалтерия какого-то треста.

— А гитара?

— Осталась от одного товарища. Садитесь, Кира. И говорите, зачем вы пришли, потому что я вас всё равно не поверю.

Кира села на стул, а не на диван, и рассказала всё: про сдвоенный номер, про двенадцать полос, про разворот, который клуб покупает в ноябре, и про текст с «атмосферой свободы», который пришёл в редакцию от рекламного отдела.

— Прислали нам его, — сказала она, — а верстка прочитала и сказала: так не бывает. Меня послали проверить, за что мы берём деньги.

— Проверяйте. Что вам нужно?

— Мне нужно понять, что здесь на самом деле.

Макс сел на диван рядом с гитарой, отодвинув её в сторону, и посмотрел на окно.

— На самом деле у нас четыре вечера в неделю живая музыка и один — диджей. Кто покупает разворот, я не знаю, у нас этим занимается Света из рекламы, и она мне не докладывает. Но текст я читал. — Он помолчал. — Там всё вранье, кроме адреса. У нас не «пространство свободы». У меня в пятницу в туалете кто-то снял с петель дверь, а в субботу охранник вывел человека, который хотел петь, но не знал, что петь. Свобода — это у вас в редакции, а у нас тут техника, персонал и полтора миллиона в месяц.

— Значит, статья была бы заказная.

— Статья была бы скучная, — сказал Макс. — А заказная — это когда вам скажут, что у нас, кроме прочего, лучшие в городе стейки. Мы стейки не подаём, у нас кухня в одиннадцать закрывается.

Кира посмотрела на него и поняла, что ей здесь, пожалуй, легко.

— Значит, я напишу Регине Марковне, что текст не соответствует.

— Напишите. Только я вам одну вещь скажу, Кира, без обиды. — Он наклонился и поставил локти на колени, так что между ними стало совсем мало места. — Заказные тексты пишутся не для того, чтобы кто-то поверил. Они пишутся для того, чтобы клиент был доволен. Если вы придёте и скажете, что правда другая, вы не выиграете ничего, кроме собственного спокойствия. Иногда этого достаточно. Часто — нет.

— Мне и в прошлый раз хватило.

— В прошлый раз?

— В прошлый раз я пришла домой раньше на три часа, — сказала Кира. — И мне этого хватило надолго.

Он не спросил, что было дальше. Смотрел на неё минуту, потом встал и открыл дверь — снизу ударила музыка, разом, как вода в шлюз.

— Пойдёмте, я вас угощу. Не апельсином.

В зале стало ещё теснее. Они спустились, и Кира вдруг обнаружила, что идёт за ним и что ей вовсе не хочется уходить. У бара Женя уже поднимал бутылку, Макс поднял два пальца — и в эту секунду Кира увидела, как справа от стойки, у самой колонки, женщина в красном платье подняла бокал и засмеялась.

Коротко, горлом, как смеются, когда не хватает воздуха.

Кира остановилась на середине зала.

Алла сидела на высоком табурете, одна, и рядом с ней не было никого. Она смеялась не с кем-то, а просто так — в телефон или в бокал, как смеются люди, которым уже налили третий.

Кира стояла и смотрела на неё, наверное, секунд десять.

Макс остановился рядом, проследил за её взглядом и не спросил ничего. Вообще ничего. Он, кажется, вообще не умел задавать вопросы — единственный человек в радиусе трёх кварталов.

— Я на минуточку, — сказала Кира.

— Хорошо.

Она пошла вправо, между колонкой и стойкой, и уже за два шага Алла её увидела.

Бокал у неё в руке наклонился, вино пошло по стойке тёмной лужицей, и Алла поставила его на место ладонью, прижала, как будто бокал мог убежать.

— Кир, — сказала она. — Кира.

Красное платье было ей велико в груди, лицо — как у человека, который сегодня не ужинал. Она попыталась слезть с табурета и едва попала каблуком в перекладину.

— Ты пришла.

— Тебе хватит, — сказала Кира и забрала у неё бокал.

— Это не мой, — сказала Алла и потянулась обнять.

Кира отступила на полшага.

— Алла, посмотри на меня.

— Я смотрю. — Она действительно смотрела, близко, настойчиво, как ребёнок, который ищет на взрослом лице, сердится тот или уже нет. — Я его не люблю. Я его никогда не любила. Кир, ты пойми, я вообще...

— Тогда зачем?

Вопрос вышел негромкий, и Алла на него ответила сразу, как будто ждала его месяц:

— Потому что у тебя всё всегда получается. — Она сказала это почти весело. — Двадцать один год. Ты приходишь и рассказываешь, как тебе повысили, как вы выбрали квартиру, как он тебе говорил то, чего мне ни один мужчина не говорил, и ты даже не замечаешь, что рассказываешь.

Кира молчала.

— Я не хотела тебе плохого, — сказала Алла. — Честное слово, Кир. Я просто хотела один раз.

— Один и получилось.

— И получилось. — Алла посмотрела на стойку. — Ты не представляешь, как было мерзко.

— Прекрасно представляю, — сказала Кира. — Я в тот день заказала пиццу.

Она отошла к Жене и попросила воды. Женя налил большую — пол-литровую — и молча подвинул её по стойке.

— Есть у вас кто-нибудь, кто довозит гостей? — спросила Кира.

— В пятницу Марк, сегодня — только такси. — Женя уже доставал телефон из-под стойки.

Подошёл Макс. Он не спросил, кто это, и не посмотрел на Аллу так, как смотрят на пьяных. Обошёл стойку, взял у Жени воду и поставил её перед Аллой.

— Вам далеко? — спросил он у неё.

— Далеко, — сказала Алла и заплакала.

Такси пришло через двенадцать минут. Макс вывел Аллу через служебный ход, во двор, где стоял один фонарь и пахло мокрым бетоном; Алла шла, держась за его рукав, и в машине уже сказала Кире через опущенное стекло:

— Он тебя не любил. Никогда.

— Я знаю, — сказала Кира.

Машина уехала. Во дворе осталось только гудение из приоткрытой двери, и слышно было, как на втором ярусе кто-то ведёт по струнам: настраивают.

— Вы как? — спросил Макс.

— Нормально.

— Врёте.

— Вру, — согласилась Кира.

Он не стал выяснять, кто это была, — просто встал рядом и подождал, пока она перестанет смотреть вслед машине.

— Пойдёмте, я вас провожу, — сказал он. — Мне всё равно нужно выйти, я в этих делах суеверный: если гость ушёл до трёх, надо дойти до угла.

Они пошли по переулку. Было около половины второго, город стоял пустой, и на переходе горел красный, хотя машин не было ни одной; они постояли перед ним, как два приличных человека.

— Я забыла спросить, — сказала Кира. — Сколько лет вы этим занимаетесь?

— Девять. До этого я держал ресторан на Садовой, а до этого там был склад.

— И как?

— Склад был лучше, — сказал Макс. — Склад не пьёт.

Кира засмеялась. Коротко, себе под нос, неожиданно для себя — она не слышала этого звука недели три и уже сомневалась, что он у неё остался.

Макс покосился и ничего не сказал.

У её подъезда он остановился.

— В следующую субботу у нас поёт Лида Штолиц, — сказал он. — Это не то, что вы думаете. Приходите.

— Я подумаю.

— Приходите, — повторил он.

Домой Кира поднялась на девятый пешком и не заметила.

В понедельник в редакции появилась новая девушка.

Кира узнала об этом от Кати, которая пришла на работу в девять и первым делом сообщила, что «у Регины Марковны кто-то сидит», а вторым — что этот кто-то в белом пальто, хотя на улице плюс восемь.

Девушку звали Лиза. Регина Марковна вывела её в коридор к кофеварке и представила так, как представляют мебель после ремонта:

— Елизавета, будет у нас писать. Полставки, испытательный месяц, спросите с меня. — И, обернувшись к Кире: — Кира, покажите ей, где у нас кофе, где у нас не врут и почему в пятницу мы не сдаём номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.